

Камаева Рима Бизяновна

ДИАЛЕКТИЗМЫ И ПЕРЕВОД (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ТАТАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматривается национальное своеобразие передачи функций татарских диалектизмов в переводной литературе. На основе сравнения языка татарской исторической прозы с переводами на русский язык выявляется национально-культурная специфика диалектизмов разных семантических групп, обосновывается целесообразность изучения языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики с точки зрения передачи ценной информации о нации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 96-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Существование без смерти как возмездие за низкую, растлившуюся душу. Здесь можно говорить о еще одной гоголевской реминисценции, на этот раз из «Страшной мести».

Подведем итоги. Темы войны и революции как воздаяние за грехи, мотивы Страшного суда, дьявольского наваждения прорабатываются Толстым в произведениях конца 1910-х – начала 1920-х годов. Писатель в своем творчестве ориентировался на классические образцы русской литературы – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. В своих работах он продолжает размышления о сохранении духовной целостности человека. В этом плане обращение к сюжету сделки с дьяволом можно назвать характерным для русской литературы, и творчество Толстого не становится исключением.

С другой стороны, писателю важно было совмещать вечные проблемы с современными. Поэтому в данном сюжете, нарушая авантюрный канон, появляются особые акценты, вызванные реалиями того времени. Например, герой стремится не просто к богатству и славе, но и к мировому господству. Эта черта была очень актуальной, если учесть итоги Первой мировой войны и революции в России. Также Невзоров не только готов на подлость и преступление ради собственного благополучия, он делает самую страшную, по мнению Толстого, вещь – отказывается от Родины.

Таким образом, автор первой книги о революции («Хождение по мукам») продолжает в своей повести «Ибикус» осмысливать переломные моменты в жизни своей страны. В данном случае использование вечного сюжета позволяет ему наиболее образно выразить свое видение эпохи.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 880 с.
2. Поляк Л. М. А. Толстой – художник. М.: Наука, 1964. 462 с.
3. Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 3. 604 с.

THE SUBJECT OF A BARGAIN OF A HUMAN BEING WITH A DEVIL IN THE STORY BY A. N. TOLSTOY “NEVZOROV” “SADVENTURES, OR IBIKUS”

Izvozhikova Ekaterina Andreevna

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
katiya.iz@gmail.com

The period of the end of the 1910s – beginning of the 1920s became crucial for the history of Russia and creative work of many writers, including A. N. Tolstoy. This article focuses on Tolstoy’s addressing in one of his works the “eternal” subject of a bargain with a devil as a method for representing the tragic changes in the life of the country. The author shows how the writer besides the traditional for this subject theme of integrity of a human personality managed to insert a theme of emigration into the storyline.

Key words and phrases: A. N. Tolstoy’s creative work; “eternal” subject; literature about revolution; bargain with a devil; emigration; adventure genre.

УДК 81’373

Филологические науки

В статье рассматривается национальное своеобразие передачи функций татарских диалектизмов в переводной литературе. На основе сравнения языка татарской исторической прозы с переводами на русский язык выявляется национально-культурная специфика диалектизмов разных семантических групп, обосновывается целесообразность изучения языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики с точки зрения передачи ценной информации о нации.

Ключевые слова и фразы: диалектизмы; литературный язык; местный колорит; творческое мастерство писателя; национально-культурная специфика.

Камаева Рима Бизяновна, к. филол. н.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
kamaeva-r@mail.ru

ДИАЛЕКТИЗМЫ И ПЕРЕВОД (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ТАТАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК)©

В художественном произведении через языковые единицы раскрываются жизнь и культура народа. Исследования художественных текстов как источников национально-культурной информации целесообразно производить на основе сравнения языков художественной литературы разных народов. В художественной речи с точки зрения передачи ценной информации о нации существенную роль играют языковые единицы с национально-культурным компонентом семантики. В данной статье исследуется национальное своеобразие

диалектизм, использованных в современной исторической прозе татарских писателей, на основе сравнения этих произведений с переводами на русский язык («Итиль-река течет» Н. Фаттаха, перевод М. Зарипова; «Сююм-бике – царица казанская» Р. Батуллы, перевод Р. Валеева; «Казанская крепость» В. Имамова, перевод Б. Хамидуллина; «Взлететь бы мне птицей» Р. Мухамадиева, перевод Р. Фаткулиной).

Ценность диалектизм в художественной литературе заключается в их использовании для создания местного колорита и описания персонажей, являющихся выходцами определенной местности. Говоры интересуют писателей прежде всего своим словарным составом, красочными словами, которые несут отпечаток местности, называют предметы и обычаи, тесно связаны с историей и обликом маленькой страны.

При переводе произведений художественной литературы возникает задача воспроизведения функций и национального своеобразия диалектных слов. Решение этой задачи требует от переводчика хорошего знания особенностей, специфики обоих языков и творческого мастерства. Некоторые теоретики считают, что в переводах нельзя употреблять диалектные слова и формы, иначе это приведет к нарушению исторической действительности [12]. Тем не менее, задачи адекватного перевода требуют более или менее полного воссоздания в переводе функций диалектных слов подлинника.

В настоящей статье рассматриваются диалектизмы, обозначающие построения, предметы быта.

Ихата. В диалектологическом словаре татарского языка слово *ихата* зафиксировано как диалектное слово мензелинского говора в значении „дом“ и дрожжановского говора в значении „усадыба, место, занятое двором, постройками, домом“ [3, б. 242]. В толковом словаре татарского языка указываются два значения этого слова: *ихата* – 1) *йортны, корылмаларны эйләндереп алган киртә, читән яки койма* (забор, окружающий построения, дом); 2) *киртә, койма яки читән белән эйләндереп алынган урын, ишек алды* (двор, окруженный забором) [3, б. 89; 7, с. 201]. Исследование диалектной лексики исторической прозы показывает, что писателями диалектизм *ихата* использован в значении „усадыба, двор“ и передается на русский язык литературным словом *двор*.

Примеры: *Байдар чокыр-чакырлар эченә кача-поса киртә ихатага таба якынлашты* [8, б. 51]. / Байдар, прячась за кочки, приблизился ко двору [5, с. 53].

Чарача. В диалектологическом словаре татарского языка слово *чарача* зафиксировано в значении „мунча алды (предбанник)“ [3, б. 346]. В татарском диалекте распространено в бирском говоре (Башкортстан) в том же значении. В диалектологическом словаре дается следующее объяснение: *чарача* „мунча алды, мунча алачагы (предбанник)“ [Там же]. В художественных произведениях диалектизм *чарача* употребляется в том же значении и на русский язык передается пояснением.

Примеры: *Мунча нык итеп, иркән итеп таштан салынган иде. Башта акбүреләр жыйнаулашып чарачага керделәр, шуннан соң шәһәр яктыртылган икенче бер бүлмәгә уздылар* [14, б. 26]. / Баня была просторная, сложенная из крепкого камня. Сначала вступили в предбанник – чарача, потом прошли в следующее помещение, тоже озаряемое свечами [11, с. 30].

Куласа. Лексическая единица *куласа* в толковом словаре татарского языка зафиксировано как устаревшее слово: *куласа* – 1) калаклы тәгәрмәч (көпчәк); зур чарык; тегермән куласасы (колесо мельницы); 2) пароходның ишекч тәгәрмәче (колесо парохода) [9, б. 293]. В этимологическом словаре Р. Ахметьянова отмечено: чарык (колесо с лопастями), персидск. *чарх* „тәгәрмәч, көпчәк чарык“. В татарском диалекте *куласа* сохранилось в чистопольском, дрожженском говорах (Татарстан) в значении „йөгертмә (колесо)“ [3, с. 121], в златоустском говоре (Башкортстан) в значении „тегермәндә су көче белән эйләндерелә торган махсус тәгәрмәч, зур чарык“ (специальное мельничное колесо, которое движется при помощи воды) [10, б. 336]. В исследуемой исторической прозе *куласа* использовано в значении „мельничное колесо“.

Примеры: *Су тегермәнәдәге куласага инеш-ерганаклар кайсы яктан гына килеп эстәлмәсен, һәммәсе дә хуҗа файдасына бит* [4, б. 36]. / Ведь какая бы речушка ни несла свои воды в мельничное колесо, все на пользу мельнику [5, с. 37].

В исследуемых исторических романах татарских писателей диалектизмы с семантикой наименования посуды ярко выражают национальный колорит, этнический быт, историю народа. Рассмотрим значение и этимологию этих диалектизм.

Жамак. В диалектологическом словаре татарского языка слово *жамак* зафиксировано как диалектное слово пермского говора мишарского диалекта в значении „касә (чаша, бокал)“. Как указывает Р. Ахметьянов, лексическая единица *жамак* образована из двух слов *жам* „тәлинкә, савыт, су савыты“ (тарелка, небольшой сосуд для воды) и *аяк* „савыт, чиләк, чүлмәк“ (сосуд, кувшин) [15, б. 25]. В переводе исторической прозы на русский язык наблюдается небольшое расхождение в значениях этих слов. Этнографический диалектизм *жамак* не имеет эквивалента на русском языке и передается как „большая лохань“, „деревянный таз“.

Примеры: *Жылы сулар, зур жамак эзер* [4, б. 56]. / Наготове теплая вода, большая лохань [5, с. 58]. *Бусага аша шәлләп кенә узса, Саня күптән аягына баскан, агац жамак эстендә бала ют йәри* [4, б. 58]. / С опаской перешагнул он порог, а там уже Саня на ногах, моет ребенка в деревянном тазу [5, с. 59].

Бадийан. В диалектологическом словаре татарского языка *бадийан* зафиксировано в значении „маленькая чаша, блюдце для супа“, наблюдается в паранганском, атнинском говорах среднего диалекта татарского языка в значении „маленькое блюдце для супа“. В переводах на русский язык лексическая единица *бадийан* передается транслитерацией – *бадьян*. В контексте со словом *бадьян* используется слово *дучмак* (*бадьян*, наполненный *дучмаками*). *Дучмак* – татарское национальное блюдо. Изготавливают его из дрожжевого или пресного теста, накладывают картофельное пюре и сверху смазывают яйцом. Слово *дучмак* является также

безэквивалентной лексикой, переводчик передает это слово на русский язык транслитерацией, сохраняя национальный колорит. При изменении формы слова корень слова не меняется, а только прибавляется окончание множественного числа творительного падежа (дучмак – дучмаки – дучмаками).

Примеры: *Әйгә дучмак исе таралган. Жылы пар бәркеп, әстәлгә ак самавыр менеп утырды, олы бадиянга әелгән дучмак куелды* [8, б. 106]. / Дома пахло дучмаками, аж спонки набегали. Пыхтя теплым паром, на стол забрался блестящий самовар, появился большой бадьян, наполненный дучмаками [7, с. 107].

Чапчак. В этимологических исследованиях Р. Ахметьянова отмечено, что общетюркское слово *чапчак* „кадка, бочонок из цельного дерева“ образовано от древнетюркского, монгольского слов *чапчы-*, *чабчи-* „агач чоку, агач ую (долбить, вырезать на дереве)“ [15, б. 229].

В татарском диалекте сохранилось в мензелинском, бирском, стерлитамакском говорах (Татарстан, Башкортостан), зафиксировано в диалектологическом словаре татарского языка в значении *чапчак* „зур агач кисмәк (большая деревянная кадушка)“ [3, б. 345]. Диалектизм *чапчак* на русский язык передается транскрипцией. В переводе транскрибируемый диалектизм сопровождается примечанием.

Примеры: *Коллар, чуралар арбалардан ачы бал, буза тулы чүлмәкләр, чапчаклар алдылар, тәргәкләрне бушаттылар* [14, б. 26]. / Невольники и прислужники стали снимать с повозок бочонки и *чапчаки* с крепкими старыми медами. *Чапчак – кадушка, бочка [11, с. 30].

Котыйчык. В исследуемых переводах исторических романов татарской современной прозы диалектизм *котыйчык* передается на русский язык описательным переводом. Переводчики по-разному характеризуют этот предмет. Например, в романе «Итиль-река течет» Н. Фаттаха *котыйчык* – это «небольшая золотая шкатулка». В романе «Сююм-бике – царица казанская» Р. Батуллы *котыйчык* – это «маленькая окованная серебром шкатулка».

Примеры: *Әлеге зур ятакны, ятак янындагы тимерле тартманы, тартма әстендәге котыйчыкны саманамаганда, «яшел бүлмә» дә башка берни дә юк иде* [14, б. 132]. / Возле самого изголовья ханского ложа стоял железный ящик и на нем небольшая золотая шкатулка [11, с. 130]. *Котыйчыгыннан нидер алып, авызына капты* [1, б. 412]. / Открыла маленькую окованную серебром шкатулку и, вынув из бумажной обертки зеленое зернышко, не раздумывая, проглотила его [2, с. 256].

Рассмотрим этимологию диалектизма *котыйчык*. В этимологическом словаре Р. Ахметьянова слову *котый* дается такое объяснение: *котый* „ящичек, шкатулка из дерева“ – в татарском диалекте употребляется *котырчык, котыйчык, котолчык*, в казахском, каракалпакском языках – *коты*, в крымском, киргизском – *куту*, в кумыкском – *кутук*, в азербайджанском, туркменском языках – *гуты, гутту* „котый, агач банка (деревянная банка)“, в узбекском – *кутти*, в алтайском – *коты* „сосуд для пороха“, в якутском – *кытыйа* „агач чиләк (деревянное ведро)“. Первичное значение слово *котый* „кот (тәре, фетиш) салып куя торган савыт (коробка для крестика)“, это слово встречается и в алтайском диалекте в значении *кутру* „крест“. Исследования показывают, что каждый мужчина из Булгар носил у себя крест-котчык [15, б. 115].

Для обеспечения эквивалентной передачи диалектизмов на русский язык используются различные сочетания способов перевода и форм пояснения, толкования лексики в тексте переводимого языка. Культурно значимую лексику нужно, мы считаем, переводить, так как она придает тексту образность и национальную специфику. Но для этого необходимо хорошее знание не только двух языков (исходного языка и переводимого языка), но и реальной действительности, описываемой в оригинале. Использование диалектной лексики авторами татарских произведений полифункционально. Во-первых, это прием стилизации и языковой выразительности; во-вторых, использование таких слов дает дополнительную познавательную информацию; в-третьих, этот прием вызывает интерес к тексту и приглашает читателя обратиться к различным словарям, т.е. совершенствует языковую компетенцию читателей.

Список литературы

1. Батулла Р. Сөембикә: Кыйсса. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 415 б.
2. Батулла Р. Сююм-бике – царица казанская / пер. Р. Валеева. Казань: Хәтер, 2001. 272 с.
3. Баязитова Ф. С. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 459 б.
4. Имамов В. Ш. Казан дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 239 б.
5. Имамов В. Ш. Казанская крепость / пер. с татарского Б. Хамидуллина. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2005. 240 с.
6. Камаева Р. Б. Древнетюркский пласт устаревшей лексики (на материале исторической прозы татарских писателей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. I. С. 65-67.
7. Мухамдиев Р. С. Взлететь бы мне птицей / пер. с татарского Р. Фаткулиной. М.: Голос-Пресс, 2008. 240 с.
8. Мөхәммәдиев Р. С. Кош булып очар идем. М.: Голос-Пресс, 2007. 240 б.
9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. Т. II. 726 б.
10. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төзүчеләре Ф. С. Баязитова, Д. Ф. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.
11. Фаттахов Н. С. Итиль-река течет / пер. М. Зарипов. Казань: Татарское кн. изд-во, 1978. 367 с.
12. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Филология Три, 2002. 416 с.
13. Филиппова О. В. Языковые реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. С. 196-201.
14. Фәттахов Н. С. Ител суы ака торур. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 398 б.
15. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең кыскача этимологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 227 б.

**DIALECTICISMS AND TRANSLATION
(BY THE MATERIAL OF LITERARY TRANSLATIONS FROM THE TATAR INTO THE RUSSIAN LANGUAGE)**

Kamaeva Rima Bizyanovna, Ph. D. in Philology
Elabuga Institute of the Kazan (Volga region) Federal University
kamaeva-r@mail.ru

The article examines national specifics of transferring the functions of Tatar dialecticisms in the translated literature. On the basis of the comparison of the language of Tatar historical prose with the translations into the Russian language the author reveals the national and cultural specifics of dialecticisms of the various semantic groups, justifies the adequacy of studying linguistic units with the national and cultural semantic component from the viewpoint of transferring valuable information about a nation.

Key words and phrases: dialecticisms; literary language; local colouring; creative skills of a writer; national and cultural specifics.

УДК 81-114.2

Филологические науки

В статье раскрывается дефиниционное содержание понятия пропозиции. Предпринимается попытка выявления основных характеристик пропозиционального смягчения в политическом дискурсе с точки зрения лингвистики. Изученный и проанализированный фактический материал позволяет утверждать, что говорящий субъект использует пропозициональное смягчение в случае, если хочет подчеркнуть субъективность мнения, «спасти лицо» или сохранить имидж.

Ключевые слова и фразы: пропозиция; пропозициональное смягчение; митигация; политический дискурс; модусный оператор.

Каракулова Салтанат Шукургалиевна

Волгоградский государственный университет
skarakuлова@mail.ru

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СМЯГЧЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ)©**

В современной лингвистике актуальными становятся вопросы взаимодействия языка и политики. «Человек в языке проявляется, прежде всего, через свое коммуникативное поведение. Модель коммуникативного процесса находит непосредственное отражение в дискурсе, продукте, используемом языковой личностью в решении определенных интенциональных задач путем использования когнитивных структур языковой личности» [4, с. 30]. Большинство исследователей, занимающихся политической коммуникацией, называют «власть» ее базовым концептом. В связи с этим несомненным является тот факт, что не последнюю роль в политическом дискурсе, который выступает «как форма реализации политической коммуникации, представляет собой дискурс, имеющий своей целью завоевание и удержание политической власти» [19, с. 177], играет правильный выбор политиком тех или иных языковых средств при реализации его интенций. Как справедливо отмечает О. А. Головач, «...человек проявляется в коммуникации во всех ипостасях и реализует себя как языковая личность» [7, с. 408]. В борьбе за власть выигрывает лишь тот политик, который является сильной языковой личностью.

Учитывая вышесказанное, в фокусе внимания современных лингвистов находятся речевые стратегии и тактики в различных жанрах политического дискурса, «стратегии косвенного убеждения, которые строятся на сознательном смягчении иллюкутивной силы высказываний, т.е. на использовании митигативных стратегий и тактик, что особенно ярко проявляется в жанре политического интервью, который, в отличие от других жанров политического дискурса, характеризуется более высоким уровнем диалогичности, спонтанности реакций интерактантов, большей ориентированностью на конкретного адресата» [20, с. 237].

Для целей настоящей статьи релевантными оказываются термины «митигация» и «смягчение», требующие некоторого пояснения. В отечественной лингвистике термин «митигация» является новым и мало изученным; он связан, прежде всего, с трудами С. С. Тахтаровой, которая определяет митигацию как «коммуникативную категорию, основным содержанием которой являются стратегии иллюкутивного смягчения, служащие оптимизации речевого контакта» [21, с. 161].

В трудах западных лингвистов, например, М. Лангнера, К. Каффи, митигация (mitigation) рассматривается в широком смысле слова как «процесс смягчения и как результат этого смягчения». В прагматику термин «митигация» введен Д. Фрейзером в отношении тех языковых приемов, при помощи которых человек говорящий стремится защитить себя от различных интеракциональных рисков. Говорящий использует митигативные стратегии в тех случаях, когда речевой поступок адресанта потенциально является конфликтогенным, т.е. представляет угрозу для коммуникативного имиджа как самого говорящего субъекта, так и для реципиента. Поясним вышесказанное на конкретных примерах.